

Ирина Пирожак-Дюк
(Лодзинский университет)

Сравнения общезыкового типа в системе образных средств *Записок бывшего каторжника П. Якубовича-Мельшина*

Всякое литературное произведение, рождаясь на основе системы связей творчества художника с внешним миром „в то же время само в свою очередь образует определенное сложное целое, систему связей и отношений” [Фридлендер 1972: 16].

В стилистике художественной литературы языковые единицы и речевые образования, свойственные стилистике языка и речи, приобретают „новые функциональные применения и новые осмысления или смысловые приращения” [Виноградов 1982: 74]. Материал стилистики языка и стилистики речи становится строительной базой для оформления „динамической структуры” образов. В этом материале нередко обнаруживаются неожиданные экспрессивно-смысловые оттенки. Посредством использования в произведении экспрессивно-образных средств языка и речи дается оценка изображаемого мира со стороны автора, проявляется его мировосприятие и отношение к действительности.

Основной задачей научной интерпретации произведения является возможно полное осветить элементы его художественной структуры с тем, чтобы раскрыть их взаимодействие в системе целого и благодаря этому способствовать наиболее глубокому пониманию его идейно-эстетического смысла.

Приступая к анализу такого тропа как сравнение в творчестве П. Якубовича-Мельшина, автора *Записок бывшего каторжника*, посвященных проблематике российской каторги последней четверти XIX, начала XX в., автор статьи стремится определить функцию, которую выполняют сравнения в системе образных средств произведения, в частности, сравнения **общезыкового типа**, а также **их контекстные преобразования**, создающие как бы индивидуальный вариант соответствующего общезыкового сравнения. По мнению ученых, поскольку граница между сравнениями общезыкового типа и их индивидуальными вариантами никогда не может быть проведена достаточно однозначно, то при исследовании материала следует в большой мере пользоваться собственным представлением о степени стертости образной экспрессии в том или ином сравнении¹.

Исследование сравнений общезыкового типа и их контекстных преобразований в нашей работе проводится комплексной методикой, объединяющей приемы непосредственного наблюдения, контекстологического анализа и филологического истолкования текста.

¹ См. попытку выяснения этого вопроса в статье Е. А. Некрасовой, посвященной сравнениям общезыкового типа [Некрасова 1979: 224].

К общеязыковым сравнениям некоторые ученые относят довольно обширный класс, приближающихся к идиомам сравнений со стертой образного потенциала, включающий и **сравнения общехудожественного типа**, так называемые общехудожественные штампы. В таком расширенном понимании термина обычно следуют за практикой лексикографической подачи сравнений в семнадцатитомном академическом *Словаре русского литературного языка*, в котором при одной и той же помете (в сравнении) помещаются как сравнения типа *белый, как снег*, так и сравнения типа *как щит* (широкий), *как роза* (прелестна) [Некрасова 1979: 224–225]. Однако, нам представляется более целесообразным, по мере возможности, провести некоторую разграничительную черту между сравнениями данного типа с целью более скрупулезного анализа происхождения источников языковой изобразительности. Попробуем рассмотреть отдельно: сравнения, являющиеся типичным примером сравнений общеязыкового типа (т.е. так называемые **устойчивые компаративные структуры и их контекстные преобразования**) и **художественные сравнения-штампы**, проявляющие тенденцию к стилистической универсализации.

Поскольку вопрос о статусе общеязыковых сравнений связан с целой серией взаимосвязанных проблем, то считаем необходимым представить критерии в соответствии с которыми будут рассмотрены разные виды устойчивых и, приближающихся к устойчивым, компаративных структур. Называя компаративные словосочетания устойчивыми, большинство современных исследователей имеет в виду проявляющуюся в них устойчивость связи логических элементов сравнения, закрепленных коллективным сознанием. При этом выдвигаются различные приемы практического определения того, насколько данное сравнение является достоянием коллективного сознания, и с этой целью прибегают к определению частотности устойчивых сравнений (УС) на основе статистического обследования текстов, к приему опроса информантов или же к лингво-статистическому обследованию живой разговорной речи как сферы максимальной употребительности устойчивых сравнений [Огольцев 1988: 48]. Фактор употребительности УС – по мнению О. И. Неведомской – является одним из наиболее существенных критериев при отграничении их от авторских сравнений [Неведомская 2003: 25]. Кроме того следует отметить, что устойчивые компаративные структуры, в отличие от свободных сравнений являются, во-первых, элементами не синтаксического, а фразеологического уровня, во-вторых – оказываются принадлежностью языка как структуры.

В *Записках бывшего каторжника*, как отмечалось выше, сравнения, относящиеся к общеязыковому типу, играют значительную роль в создании художественных образов.

1. Устойчивые компаративные структуры

Изобразительные возможности устойчивого сравнения определяются, прежде всего, сущностью его компаративной структуры как средства выражения индивидуально-обобщенного признака предмета. Поскольку ком-

паративная конструкция выражает индивидуальное проявление признака (иначе, представление), то всегда обозначает „образ“, что является первым неотъемлемым источником выразительности устойчивого сравнения. Второй неотъемлемый источник экспрессивности устойчивого сравнения заключается в том, что признак элемента *В* обладает значительно более интенсивным проявлением, чем одноименный признак элемента *А*, в результате чего признак элемента *А* оказывается субъективно усиленным [Огольцев 1988: 145].

Основным признаком, выделяющим компаративные устойчивые словосочетания как особую группу, являются характерные для них компаративные отношения, выраженные специальными внутрискруктурными средствами. Обычным способом оформления компаративных отношений между элементами устойчивого сравнения являются сравнительные союзы – *как, словно, точно, будто, как будто, что*. Компаративные конструкции с союзом *как* составляют подавляющую часть устойчивых сравнений, причем одни из них способны применяться только с союзом *как*, в других союз *как* может заменяться союзами *словно* или *точно*, что привносит некоторый оттенок книжности. Союзы *будто, как будто*, способные к применению в тех же устойчивых сравнениях, что и *словно, точно*, в отличие от них более явно указывают на нереальность ситуации, представленной элементом *В*, ср.: *точно гора с плеч свалилась – как будто гора с плеч свалилась*. Союз *что* семантически аналогичен союзу *как*, но отличается от него ярко выраженной экспрессией, определяемой сферой его преимущественного применения в просторечье и жанрах устной народной поэзии. Функция сравнительных союзов *как, словно, точно, что* в устойчивых компаративных структурах может выполняться и иными средствами, а именно падежными и предложно-падежными формами имен существительных, выражающих элемент *В*. Некоторые из конструкций допускают оформление компаративных отношений с помощью сравнительной степени прилагательного: *хуже горькой редьки, проще пареной репы, тише воды ниже травы* и т.д. Элемент *В* в такого рода сравнениях выражается существительным в родительном падеже, а сравнительная степень прилагательного, оформляющая компаративные отношения элементов структуры вместе с тем лексически выражает основание сравнения [Огольцев 1988: 86–95].

Обычно **структурно организующим компонентом устойчивых сравнений является одно слово**, в том числе в случаях, когда конструкция оказывается предикативной, например, *(живет) как сыр в масле катается*, но иногда он может быть представлен двумя именами, связанными сочинительным союзом *и*: *(отличаться) как небо и земля; (жить) как кошка с собакой* и т.п. Здесь, следовательно, „приходится вести речь не о структурно организующем компоненте, а о структурно организующем центре компаративной конструкции, включающем два компонента“ [Огольцев 1988: 96].

Устойчивые сравнения по своей структурно-синтаксической организации подразделяются на **одноэлементные** и **двухэлементные структуры**. Когда говорим о синтаксической структуре одноэлементного УС, то

можем иметь в виду не полный состав его компаративных элементов, а лишь ту их часть, которая выражает логический элемент *В* компаративной конструкции. Иная картина наблюдается только в двухэлементных устойчивых сравнениях, где: 1) Элемент *В* – предмет, выраженный именем существительным в творительном падеже, а существительное в именительном падеже обозначает элемент *А*. Форма же творительного падежа имени выступает в роли показателя сравнения, например: *борода клином, нос крючком* и т.п. 2) В качестве элемента, указывающего на факт сравнения выступает не сравнительный союз, а форма сравнительной степени прилагательного, выражающего элемент *С*: *чернее ночи, бледнее смерти, страшнее черта* и т.д. 3) Структурный тип „глагол в личной форме (инфинитиве) + существительное в винительном падеже с предлогом *в*, либо + существительное в творительном падеже”: *согнуть в бараний рог, разнести в пух*, и т.п.; *согнуться в дугу, разбиться в лепешку* и т.п.; *извиваться ужом, быть волком, заливаться соловьем, лететь стрелой* и т.п. Элемент *В* в такого рода УС выражается именем существительным, элемент *С* (действие) представлен глаголом, а в качестве элемента *А* выступает предмет, который является субъектом действия. Компаративную функцию в двухэлементных структурах выполняет падежная форма имени. Следует, однако, заметить, что двухэлементные структуры являются моделью малопродуктивной.

Обратимся к примерам из текста. Прежде всего к одноэлементным устойчивым структурам (либо к их в незначительной степени видоизмененным вариантам), выраженным сравнительными оборотами с союзной связью, представляющим продуктивный тип УС, благодаря которым автор рисует образы представителей „тюремного мира” сибирской каторги.

Я старался объяснить Малахову выгодные стороны звукового метода, но напрасно: он был слепым поклонником старины, и к тому же, если упирался на чем-нибудь, то был упрям, *как бык* (2, 149);

Имея в плечах *чуть не косую сажень*, круглое толстое лицо (которого, как острили арестанты, в три дня было кругом не объехать) и огромный кулак, тяжелый *словно пудовая гиря*, восемнадцатилетний Огурцов был безобиден и незлобив, *как голубь*, в ответ на всякую брань умел только хихикать и хвататься за живот, и как-то с трудом даже верилось, что этот юный геркулес пришел в каторгу за убийство человека. Он совершил, впрочем, это убийство без всякого желания и намерения, почти случайно (2, 86);

Что, например, могу я сказать об отцеубийце Дашкине, неуклюжем детине огромного роста? ... Всякий арестант на его месте, не имея впереди никакой надежды только и думал бы о том, как бы „сорваться”, бежать или по крайней мере перебраться в другую тюрьму, где существование несколько вольготнее... Между тем Дашкин работал *как вол*, был тих и покорен *как ягненок* (1, 289).

В приведенных выше контекстах, автор обращается к УС, в которых логический элемент *В* в основном представлен тематическими группами „домашняя птица” и „домашние животные”. Выбор автора, на наш

взгляд, не случаен, поскольку с образами домашних животных и птиц в мирозерцании народа всегда связывались представления об упрямстве ср.: (упрямый) *как бык, как осел, как баран*; покорности ср.: (покорен) *как ягненок, как теленок, как овечка*; и тяжком непосильном труде ср.: (работать) *как вол, как ишак, как осел*.

В сцене, представляющей образ молодого заключенного Огурцова, с тем, чтобы подчеркнуть невероятную силу, которой обладал этот молодой человек и противопоставить ее удивительно спокойному нраву, автор прибегает к использованию устойчивых сравнений, в незначительной степени преобразовывая их: (плечи) *чуть не в косую сажень* ср.: (плечи) *в косую сажень*, (кулак) *тяжелый, как пудовая гиря* ср.: (кулак) *тяжелый как гиря*, что привносит элемент наиболее интенсивного проявления признака и подчеркивает не только качественную, но и количественную его сторону. Сравнивая же безобидность и незлобивость Огурцова с безобидностью голубя не только дополняет характеристику персонажа, но и передает ироническую оценку образа в целом.

Рассмотрим некоторые примеры использования устойчивых сравнений подобного рода, но с иной семантической наполненностью. Выделение типов УС с точки зрения лексического значения средств выражения элемента В связано с аспектом социально-лингвистическим, поскольку сам отбор явлений-образов и предметов, осуществлявшийся на протяжении долгого исторического периода и закреплявшийся в языке из поколения в поколение, в большой мере свидетельствует о национальной культуре и духовном складе народа. П. Ф. Якубович широко использует в своем произведении устойчивые сравнения и несколько видоизмененные их варианты, образы которых взяты из сферы обычных представлений, благодаря чему в сознании читателя (слушателя) рисуются яркие наглядно-чувственные картины.

Представим следующие тематические группы слов, выражающих элемент В в сравнениях:

1) Орудия, принадлежности, результаты труда:

– Брошу же я совсем! – вспыхнув, *как порох*, объявил Ромашка, и большого труда стоило мне каждый раз уговорить его продолжать опыт ученья (2, 148);

И, с отвращением покручивая собственным органом обоняния, Лучезаров, *как бомба*, вылетал из камеры в коридор (2, 106);

Луньков с Петиним тотчас же поругались, начав критиковать один другого. Петин обзывал Лунькова болваном за то, что он не сумел оправдаться:

– Как дошло до дела, и воды в рот набрал! *Точно обухом* его по лбу стукнули! У, трепач, хвастунишка... (2, 403),

ср. с УС: *как обухом по голове*;

...но с Семеновым спорить было невозможно. Выказав, *точно топором отрубив*, свое мнение, он с выражением все той же ненависти и презрения на лице, улегся опять на свое место и замолчал.... (2, 225).

2) Природа, стихийные явления, растительный мир:

Все *как громом* были поражены этой вестью... (1, 48) ;

В прекрасный сентябрьский день, к полудню, прибыли мы на речку Шелай, на берегу которой стояла новешенькая тюрьма с *белой как снег* каменной стеною вокруг и целым рядом теснившихся поблизости строений для служащих и казарм для казаков. Тюрьма находилась в трех верстах от деревни, в глубокой и мрачной котловине, со всех сторон огражденной начавшими голеть сопками, поросшими березой и лиственницей, несмотря на яркий солнечный день и живописный (говоря беспристрастно) ландшафт, последний произвел на партию удручающее впечатление (2, 65).

Обращаясь в вышеприведенном контексте к устойчивому сравнению *белой как снег* (стеною), автор не только придает сравниваемому предмету четкость зрительно воспринимаемой картины, но и использует сравнение для того, чтобы подчеркнуть некое несоответствие между ассоциациями, обычно связанными в сознании с образом чего-то только что построенного, нового, светлого, и образом места заключения. Писатель не случайно употребляет прилагательное с уменьшительно-ласкательным суффиксом – *новешенькая*, подчеркивая тем самым, с долей иронии, смутные чувства, которые охватили заключенных, прибывших на новое место. Важную роль в контексте играют также эпитеты. Дополняет образ *новешенькой* тюрьмы, вызывающей трепет в сердцах каторжников, то, что располагается она в *глубокой и мрачной* котловине.

Рассмотрим следующий пример:

Сначала шло простое словесное перекосердие, причем оба соперника держались обеими руками за спорную вещь; но потом Маразгали внезапно вспыхнул *как огонь* и вслед за тем смертельно побледнел... Руки задрожали и судорожно сжались... Он был живописен в эту минуту со своей поднятой гордо головой и страшно потемневшими глазами (2, 278).

Сравнение *как огонь*, используемое автором в выше приведенном фрагменте текста, передает психическое и физическое состояние героя в первый момент описываемой сцены, и служит дополнением к характеристике персонажа в целом, поскольку подчеркивает горячий и необузданный нрав молодого узбека. Как видим, ассоциации, вызванные сравнениями, могут быть использованы автором в разнообразных целях в зависимости от замысла произведения или его части.

Обратимся к следующим примерам:

Я сам был *как в темном лесу* и тщетно старался составить себе, по неясным и сбивчивым рассказам Маразгали, какое-нибудь представление о почтовых порядках в Ферганской области (2, 270).

В данном контексте автор использует синтаксическую распространенность имени, выражающего элемент *В* в компаративной структуре, акцентируя внимание на более конкретном определении признака, положенном в основание сравнения ср.: *как в лесу*. Элемент же *А* в данной структуре представляет некую ситуацию, которая не имеет собственного выражения и получает это выражение через элемент *В* сравнения.

3) Насекомые, животные, пресмыкающиеся, птицы:

Мне казалось, что сила эта может при желании раздавить меня, *как червяка* (2, 253);

Страшные вещи рассказывал старик о временах разгильдеевщины, о том, как колодники болели и мерли, *точно мухи осенью*, и как во время холеры их живыми еще таскали сотнями на кладбище... (2, 251);

Можно бы, однако, следующее напомнить г. Ковалевскому: да ведь эти несчастные люди в каторжной тюрьме сидят! Их унижают на каждом шагу, *как скотов*, их заставляют делать подневольную и часто совершенно бессмысленную работу... В стенах тюрьмы они тоже, *что науки, запертые в банку*... Что же другое остается им, как не быть мрачными, не пожирать друг друга, не заниматься сплетнями, пересудами, не погрязать во всякого рода пошлости и подлости? (2, 401).

В последнем из приведенных выше контекстов, писатель, полемизируя с одним из своих оппонентов, обращается к УС, стараясь тем самым приблизить образ той великой человеческой трагедии, которая разрывалась за толстыми стенами мест заключения.

Приведем следующие примеры:

Какое-то невольное чувство обиды (странное, положим, в каторге!) примешивалось всякий раз к моему настроению, когда, приходя в тюрьму, я узнавал, что "перегнан" на другое место: *точно скотом* распоряжались тобою, перемещая по капризу из одного стойла в другое! (1, 259);

Этот надзиратель Безыменных по фамилии, был правой рукой Лучезарова... Целый день шнырял он по тюрьме, то подкрадываясь *как кошка* и настораживая уши, то налетая *как вихрь* и накрывая виновных (1, 231);

...Воронков был страшный трус и если встречал со стороны арестанта сколько-нибудь серьезный отпор, то немедленно поджимал, *как заяц*, хвост и сносил порою такие резкие ответы и даже прямые ругательства, какие потерпел бы и не всякий из шпанки (2, 137),

ср.: поджать *как заяц* хвост (струснуть) и (труслив) *как заяц*;

4) Вещества и их качества, предметы быта, домашнего обихода :

Два раза в неделю парашники и старосты обязаны были мыть столы, скамьи, нары и полы, ползая при этом на коленках, так как швабры почему-то строго запрещались. Камеры должны были блестеть *как стекло* (2, 234);

... в руднике летние работы имели свои волчцы и терния. В шахтах было холодно, *как в ледяном погребе*; с обмерзлых лестниц струилась повсюду вода, попадая бурильщикам за шею и обливая сапоги (1, 385);

... – Я слышал, как заведующий сказал губернатору в коридоре: „Вряд ли следующей весной будет выборка“. Известие это подействовало в первую минуту на мечтателей *как ушат холодной воды*; но так как верить хотелось тому, что сулило какую-нибудь надежду, а никак не тому, что было вернее, то в следующую затем минуту общее негодование обрушилось уже на самого вестника (1, 403),

ср.: *как ведро холодной воды*;

Во всех приведенных выше контекстах в основном используются УС (либо их, в незначительной степени, преобразованные варианты) с полной компаративной мотивированностью.

Отдельно хотелось бы отметить сравнение в котором наблюдается некоторое затемнение компаративных связей:

Так, почти все пожалели (я хорошо это помню!) Дездемону, говоря, что Отелло без вины задушил ее, а через час уже ругали женщин вообще и жен в частности, утверждая, что даже и без всякой вины их следует душить, *как собак*. После попов и докторов арестанты больше всего ругали женщин, и если бы принимать на веру каждое их слово, то можно б было подумать, что мир не создавал более страстных женоненавистников! (2, 217).

Обратимся теперь к примеру использования довольно интересного УС, представляющего собой малопродуктивный тип, в котором наблюдается прямое сопоставление двойных элементов как равноправных членов сравнения:

Чрезвычайно умный, Соколыцев, казалось, наслаждался своим умом и превосходством над окружающей его шпанкой. Это был своего рода тюремный софист и Мефистофель. Казалось, он играл своими собеседниками, *как кошка с мышью*, и часто, начав, по-видимому, вполне серьезный разговор, шедший в унисон с общими мнениями, незаметно ни для кого доводил его до таких явных абсурдов и шутовских несообразностей, что собеседники только рты разевали и, глядя на него *как бараны*, не знали, смеяться ли им или сердиться... (2, 309).

В данном контексте автор, рисуя образ одного из толковых и наиболее авторитетных заключенных, использует УС *как кошка с мышью*. Сравнения подобного рода характеризуются устойчивой связью лишь с одним элементом С, и лишены иных вариантов выражения: *как кошка с мышью* – играть, что по сути означает забавляться кем-то. Описывая же недоумение заключенных в реакции на забаву Соколыцева, писатель сравнивает их с *баранами* ср.: (смотреть) *как баран*, (уставиться) *как баран на новые ворота*.

Отметим также примеры использования устойчивого сравнения, выступающего в одноэлементном и двухэлементном структурных типах:

Шестиглазый вернулся из своей неудачной поездки злой и *темный, как ночь* (2, 360),

ср.: *темнее ночи*.

Там, за стеной угрюмой тюрьмы, жизнь плетется себе обычной бледной колеей; разливаются реки, надолго задерживающие почту; точно назло, письма пропадают без всяких видимых причин или, еще проще, пишутся позже обыкновенного; но бедный узник ничего этого не знает и ходит *мрачный как ночь*, со смертью в душе... (2, 202).

И пример того же УС, в незначительной степени преобразованного автором:

Между тем Тюпкин появлялся *мрачный, как сама ночь*, и в камере моей начиналась усиленная деятельность: выколачивалась пыль из моих вещей, все перекладывалось с места на место... (1, 51).

Приведем пример использования сравнения структурного типа „как (словно, точно) + причастие или отпричастное прилагательное“, в котором противопоставление первичных членов сравнения достигается ограничением члена *В* компонентом *В*, выраженным причастием:

Недаром и фамилия твоя Карасев: караси ведь всех рыб глупее братцы! Кровь так и ударила в лицо Карасеву.

– А твоя какая фамилия? ... – Ты кто такой будешь? Тропин?

– Ну, Тропин. А все ж не Карасев. Завтра, захочу Скатертевым буду, а все же не Карасевым!

Карасев, видимо, был окончательно ошеломлен этим непонятным для него остроумием и несколько мгновений стоял *как очумелый*², не зная, что возразить (2, 231).

Средства выражения компаративного компонента в устойчивых сравнениях весьма многообразны, но все же преобладающим средством является сравнительный союз *как*, указывающий на уподобление элемента *А* элементу *В* как предмету-понятию, взятому во всем объеме свойственных ему признаков.

Система устойчивых сравнений, как и любая категория в языке, по мнению В. М. Огольцева, является исторически подвижной [Огольцев 1988: 75]. Новые устойчивые сравнения могут возникать и на базе индивидуально-творческих сравнений, хотя этот путь является более сложным и длительным, поскольку индивидуально-творческое сравнение проходит первоначально стадию сравнения-штампа. Сравнение-штамп, в свою очередь, претерпевает процесс универсализации. Однако, следует заметить, что лишь незначительной части индивидуально-творческих сравнений дано проникнуть в разряд устойчивых.

С точки зрения происхождения выделяются два источника формирования устойчивых сравнений в процессе исторического развития языка: **изустно-общенародный** и **литературно-книжный**. Большинство УС

² Очумелый - *прост.* совсем потерявший соображение, одурелый [Ожегов 1963: 477].

складывалось в процессе живого речевого общения. Сравнения эти глубоко народны, национальны, используемые в них образы охватывают разнообразные сферы деятельности человека и его отношение к окружающей действительности. П. Ф. Якубович-Мельшин в своем произведении широко использует экспрессивные возможности глубоко народных устойчивых сравнений, лишь иногда подвергая их контекстным преобразованиям, что свидетельствует о стремлении художника к „стремительно точной образности” [Михайлова 1976: 16]. Сравнениям народным противопоставляется относительно небольшая группа устойчивых сравнений книжного происхождения. В этой группе сравнений выделяются следующие книжные источники: христианская мифология, классическая мифология и художественно-литературные источники.

В *Записках бывшего каторжника* находим использование нескольких сравнений подобного рода:

И, как над вечным жидом³, слышится над вами каждую минуту властный голос, которому нельзя противиться: „Иди! Иди!” Все это в душе человека с мирными наклонностями способно создавать ужасное, близкое к отчаянию настроение... (1, 52);

Со мной Огурцов сдружился с первых же дней общего пребывания в тюрьме и, хотя не жил в одной камере, учился урывками грамоте, которая давалась ему очень туго; он с большой охотой вел также „ученые” разговоры, *подобно Кифе Мокиевичу*⁴, допрашивая меня, например, о том, почему у человека только две ноги, а он, однако, умнее петуха (2, 86).

Все вышеприведенные примеры использования общезыковых сравнений, обладающих удивительным лаконизмом, позволяют убедиться в том, что автор хотя и косвенно, но вместе с тем достаточно определенно выражает через сравнение свое отношение к предмету мысли.

2. Сравнения-штампы

Некоторые исследователи квалифицируют устойчивые сравнения как штампы, относя к ним такие устойчивые сочетания как: *белый как снег, бледный как полотно, голоден как собака* и т.д., считая при этом, что опытные мастера слова избегают примелькавшихся сравнений. Однако, как отмечает В. М. Огольцев: „...избежать единиц языковой системы невозможно при всем желании. А тот факт, что устойчивые сравнения воспроизводятся „как готовые единицы”, еще не является достаточным основанием для отнесения их к разряду штампов” [Огольцев 1988: 69]. Такое мнение кажется нам вполне обоснованным, поскольку существует ряд различий между устойчивыми сравнениями и сравнениями-штампами. Отметим основные из них: 1) Устойчивое сравнение является фактом языковой системы, сравнение-штамп – в принципе речевое явление; 2) Устойчивое сравнение ха-

³ *Вечный жид* – образ библейской мифологии: человек, осужденный на вечное скитание.

⁴ *Кифа Мокиевич* – персонаж из *Мертвых душ* Н. В. Гоголя, занимающийся „философски-ми” размышлениями на пустые темы.

рактизуется общезыковой воспроизводимостью, воспроизводимость же сравнения-штампа ограничена узкой сферой книжной образной речи и специальным функционально-стилистическим заданием; 3) Устойчивое сравнение – единица общенародного употребления, сравнение-штамп является индивидуально-творческим актом по своему происхождению. Оно есть не воспроизведение языковой единицы, а повторение уже однажды совершившегося индивидуально-творческого акта. Сравнение-штамп преследует своей целью выразить индивидуальный (единственный в своем роде) признак описываемого предмета, а не индивидуально-обобщенный признак, фиксируемый устойчивым сравнением как устойчивой единицей; 4) Образ, выражаемый устойчивым сравнением, является результатом длительного общенародного отбора, сравнение-штамп – повторением некогда и кем-то совершенного акта творчества.

Следует отметить, что некоторые сравнения-штампы проявляют тенденцию проникновения в разряд устойчивых сравнений, однако, процесс преобразования сопровождается строгим языковым отбором, и далеко не всякому сравнению-штампу открывается путь в сферу устойчивых единиц языка. Сравнения-штампы чаще, чем устойчивые сравнения, представляют собой структуры, состоящие из двух и более полнозначительных компонентов.

Рассмотрим примеры сравнений, которые, на наш взгляд, можно отнести к разряду художественных штампов, проявляющих тенденцию к универсализации:

...признаюсь, он [Юхорев] был живописен в эту минуту, гордо выпрямившийся во весь свой огромный рост: побледневшее от волнения смуглое лицо, *точно изваянное из бронзы*, казалось страшным и величавым; свирепые серые глаза загорелись враждою; железная рука вытянулась вперед...Против воли я почти залюбовался своим противником (2, 93),

ср.: *точно вылитое из бронзы*;

Он [Тропин] давно уже производил на меня крайне неприятное впечатление своими наглыми светло-серыми глазами, постоянно, *точно у волка*, оскаленными, белыми, *как слоновая кость* зубами и всем своим лицом, тоже ослепительно белым и прекрасно упитанным (1, 101).

Использование в вышеприведенных контекстах УС – (зубы) *точно у волка* и художественных сравнений-штампов – (лицо) *точно изваянное из бронзы* и *как слоновая кость* (зубами) – позволяет автору *Записок каторжника* не только сделать акцент на чисто внешних признаках сходства между членами сравнения, но и с их помощью передать те черты человеческого характера из которых, в частности, складывается общий идейный замысел образов.

Анализируя использование автором *Записок бывшего каторжника* сравнений общезыкового типа – устойчивых сравнений, их несколько видоизмененных вариантов и сравнений-штампов, проявляющих тенденцию к переходу в разряд УС, можно прийти к заключению, что яркая, бросающаяся

экспрессия, проявляющаяся в сравнениях данного типа, была замечена и в полной мере оценена писателем. Сравнения общезыкового типа иллюстрируют речь не только людей из народа – каторжников, вольнонаемных, надзирателей и конвоиров, но и речь людей образованных – политических заключенных и представителей властей, относящихся к высшим сословиям общества. Ясно осознаваемая писателем общенародная основа сравнений, при внимательном к ней отношении, определяет „такт и меру творческого элемента“ [Некрасова 1979: 224], а также свидетельствует о типичных признаках его художественного идиолекта.

Библиография

Виноградов В. В. [1982], *Очерки по истории русского литературного языка XVI–XIX веков*, Москва.

Михайлова Л. И. [1976], *Поэзия духовности*, Свердловск.

Неведомская О. М. [2003], *Компаративные фразеологизмы немецкого языка в сопоставлении с русскими*, Санкт-Петербург.

Некрасова Е. А. [1979], *Сравнения общезыкового типа*, [в:] *Лингвистика и поэтика*, Григорьев В. П. (ред.), Москва.

Огольцев В. М. [1988], *Устойчивое сравнение в системе русской фразеологии*, Ленинград.

Фридлиндер Г. М. [1972], *О некоторых проблемах поэтики*, [в:] *Исследования по поэтике и стилистике*, Виноградов В. В., Базанова В. Г., Фридлиндер Г. М. (ред.), Ленинград.

Источники:

Якубович-Мельшин П. Ф. [1964], *В мире отверженных. Записки бывшего каторжника (Тюремные воспоминания)*, т. 1–2, Москва.

Summary

Irina Pieroschak-Diuk

Gemeinsprachliche Vergleiche im Stilmittelsystem der "Tagebücher eines sibirischen Sträflings" von P. Jakubowitsch Melschin

Die Autorenmanier von Pjotr Jakubowitsch-Melschin, eines der bedeutendsten Schriftsteller der Jahrhundertwende XIX–XX, der in seinen Werken das Thema der zaristischen Zwangsarbeit behandelte, kennzeichnet sich durch die Verbindung eines publizistischen Gedankens mit einer literarischen Verallgemeinerung. Beachtenswert ist dabei, dass ein charakteristisches Merkmal der *Tagebücher eines sibirischen Sträflings* eine ausnehmend genaue Beschreibung des Helden und seiner Umwelt ist, sowie seiner Handlungen, Gesten, Verlangen, moralischen Einstellungen und seines Seelenzustands.

Das ganze Stilmittelsystem der Tagebücher ist darauf gerichtet, ein vollständiges Bild der Schelajer Zwangsarbeit zu entwerfen, zu der Vertreter fast aller Nationen des zaristischen Russlands verschickt worden sind. Im Artikel wurde eins von in den Tagebüchern dominierenden Stilmitteln analysiert und nämlich der Vergleich, insbesondere der gemeinsprachliche Vergleich. Zwischen den gemeinsprachlichen

Vergleichen wurden u.a. feste Vergleiche und Vergleiche der Schablonenhaftigkeit unterschieden. Sie zeigen die Tendenz zur Universalität und deshalb bildet die Analyse nicht so Klassifikation als Typologie der Beispiele. Es wurde darauf aufmerksam gemacht, dass die gemeinsprachlichen Vergleiche in den Tagebüchern ein interessantes Forschungsmaterial bilden, und bewusste Anwendung vom Schriftsteller der auf volkstümlicher Grundlage aufgebauten Vergleiche zeugt von einer scharfsinnigen Einstellung zum Schatz von Volkssprache und von der Einmaligkeit seines Idiosstils.